И. З. СЕРМАН

К ПОРТРЕТУ УЧЕНОГО

Наша историко-литературная наука очень молода, ей немногим более ста лет, если вести, условно конечно, ее родословную от диссертации А. Н. Пыпина «Очерк литературной истории сказок и повестей русских» (1858); ее «история» укладывается в жизненные сроки четырех человеческих поколений, но, может быть, именно эта относительная «молодость» помогла ей почти сразу же взять мощный разбег. Русскую историко-литературную науку создавали Буслаев, Тихонравов, Пыпин, Веселовский — замечательные люди, в деятельности которых счастливо соединялось титаническое трудолюбие с широтой и смелостью мысли, уважение к критически проверенному литературному факту с тяготением к широким историческим обобщениям и построениям. Прямо или косвенно, но общественный подъем 1850—1860-х годов отразился на их научной деятельности, сообщив ей ту масштабность, ту значительность, без которой невозможна истинная наука. Одно из методологических правил этой науки недавно напомнил нам советский историк: «Никакое глубокомыслие и никакое остроумие не могут возместить незнания фактов».[1]

Во всем своем историко-литературном творчестве Павел Наумович Берков следует основным традициям русской историко-литературной науки ее «классического» периода, в том числе и только что приведенному методологическому правилу, как ни велики могли быть иногда соблазны эффектного допущения или стремительной гипотезы. Широкая образованность и глубина филологических познаний Павла Наумовича (в Венском университете он серьезно занимался египтологией) являются той основой, на которую опирается он как исследователь в самых различных областях советской филологии.

Публикатор и текстолог, библиограф и автор работ по методике литературоведческого труда, ставших настольными книгами

---

[1] С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 11.